

Алексей Толстой

Сорока

За калиновым мостом, на малиновом кусту калачи медовые росли да пряники с начинкой. Каждое утро прилетала сорока-белобока и ела пряники.

Покушает, почистит носок и улетит детей пряниками кормить.

Раз спрашивает сороку синичка-птичка:

– Откуда, тетенька, ты пряники с начинкой таскаешь? Моим детям тоже бы их поесть охота. Укажи мне это доброе место.

– А у черта на куличках, – отвечала сорока-белобока, обманула синичку.

– Неправду ты говоришь, тетенька, – пискнула синичка-птичка, – у черта на куличках одни сосновые шишки валяются, да и те пустые. Скажи – все равно выслежу.

Испугалась сорока-белобока, пожадничала. Полетела к малиновому кусту и съела и калачи медовые, и пряники с начинкой, все дочиста.

И заболел у сороки живот. Насилу домой доплелась. Сорочат растолкала, легла и охает...

– Что с тобой, тетенька? – спрашивает синичка-птичка. – Или болит чего?

– Трудилась я, – охает сорока, – истомилась, кости болят.

– Ну, то-то, а я думала другое что, от другого чего я средство знаю: трава Сандрит, от всех болей целит.

– А где Сандрит-трава растет? – взмолилась Сорока-белобока.

– А у черта на кулижках, – ответила синичка-птичка, крылышками детей закрыла и заснула.

«У черта на кулижке одни сосновые шишки, – подумала сорока, – да и те пустые», – и затосковала: очень живот болел у белобокой.

И с боли да тоски на животе сорочьем перья все повылезли, и стала сорока – голобока.

От жадности.

Мышка

По чистому снегу бежит мышка, за мышкой дорожка, где в снегу лапки ступали.

Мышка ничего не думает, потому что в голове у нее мозгу – меньше горошины.

Увидела мышка на снегу сосновую шишку, ухватила зубом, скребет и все черным глазом поглядывает – нет ли хоря.

А злой хорь по мышиным следам полает, красным хвостом снег метет.

Рот разинул – вот-вот на мышь кинется... Вдруг мышка царапнула нос о шишку, да с перепугу – нырь в снег, только хвостом вильнула. И нет ее.

Хорь даже зубами скрипнул – вот досада. И побрел, побрел хорь по белому снегу. Злющий, голодный – лучше не попадайся.

А мышка так ничего и не подумала об этом случае, потому что в голове мышиной мозгу меньше горошины. Так-то.

Козел

В поле – тын, под тыном – собачья голова, в голове толстый жук сидит с одним рогом посреди лба.

Шел мимо козел, увидел тын, – разбежался да как хватит в тын головой, – тын закрихтел, рог у козла отлетел.

– То-то, – жук сказал, – с одним-то рогом сподручнее, иди ко мне жить.

Полез козел в собачью голову, только морду ободрал.

– Ты и лазить-то не умеешь, – сказал жук, крылья раскрыл и полетел.

Прыгнул козел за ним на тын, сорвался и повис на тыну.

Шли бабы мимо тына – белье полоскать, сняли козла и вальками отлупили.

Пошел козел домой без рога, с драной мордой, с помятыми боками.

Шел – молчал.

Смехота, да и только.

Ёж

Теленок увидел ежа и говорит:

– Я тебя съем!

Еж не знал, что теленок ежей не ест, испугался, клубком свернулся и фыркнул:

– Попробуй.

Задрал хвост, запрыгал глупый теленок, боднуть норовит, потом растопырил передние ноги и лизнул ежа.

– Ой, ой, ой! – заревел теленок и побежал к корове-матери, жалуется.

– Еж меня за язык укусил.

Корова подняла голову, поглядела задумчиво и опять принялась траву рвать.

А еж покотился в темную нору под рябиновый корень и сказал ежихе:

- Я огромного зверя победил, должно быть, льва!
- И пошла слава про храбрость ежову за синее озеро, за темный лес.
- У нас еж – богатырь, – шепотом со страху говорили звери.

Лиса

Под осиной спала лиса и видела воровские сны.
Спит лиса, не спит ли – все равно нет от нее житья зверям.
И ополчились на лису – еж, дятел да ворона.
Дятел и ворона вперед полетели, а еж следом покатился.
Дятел да ворона сели на осину.
– Тук-тук-ту-к, – застучал дятел клювом по коре.
И лиса увидела сон – будто страшный мужик топором машет, к ней подбирается.
Еж к сосне подбегает, и кричит ему ворона:
– Карр еж!.. Карр еж!..
«Кур ешь, – думает ворона, – догадался проклятый мужик».
А за ежом ежиха да ежата катятся, пыхтят, переваливаются...
– Карр ежи! – заорала ворона.
«Караул, вяжи!» – подумала лиса, да как спросонок вскочит, а ежи ее иголками в

нос...

– Отрубили мой нос, смерть пришла, – ахнула лиса и – бежать.
Прыгнул на нее дятел и давай долбить лисе голову. А ворона вдогонку: «Карр».
С тех пор лиса больше в лес не ходила, не воровала.
Выжили душегуба.

Заяц

Летит по снегу поземка, метет сугроб на сугроб... На кургане поскрипывает сосна:
– Ох, ох, кости мои старые, ноченька-то разыгралась, ох, ох...
Под сосной, насторожив уши, сидит заяц.
– Что ты сидишь, – стонет сосна, – съест тебя волк, – убежал бы.
– Куда мне бежать, кругом бело, все кустики замело, есть нечего...
– А ты порой, поскреби.
– Нечего искать, – сказал заяц и опустил уши.
– Ох, старые глаза мои, – закричала сосна, – бежит кто-то, должно быть, волк, – волк и есть.
Заяц заметался.
– Спрячь меня, бабушка...
– Ох, ох, ну, прыгай в дупло, косой.
Прыгнул заяц в дупло, а волк подбегает и кричит сосне:
– Сказывай, старуха, где косой?
– Почем я знаю, разбойник, не стерегу я зайца, вон ветер как разгулялся, ох, ох...
Метнул волк серым хвостом, лег у корней, голову на лапы положил. А ветер свистит в сучьях, крепчает...
– Не вытерплю, не вытерплю, – скрипит сосна.
Снег гуще повалил, налетел лохматый буран, подхватил белые сугробы, кинул их на сосну.

Напружилась сосна, крякнула и сломалась... Серого волка, падая, до смерти зашибла...

Замело их бураном обоих. А заяц из дупла выскочил и запрыгал куда глаза глядят.
«Сирота я, – думал заяц, – была у меня бабушка-сосна, да и ту замело...»
И капали в снег пустяковые заячьи слезы.

Кот Васька

У Васьки-кота поломались от старости зубы, а ловить мышей большой был охотник Васька-кот.

Лежит целые дни на теплой печурке и думает – как бы зубы поправить...

И надумал, а надумавши, пошел к старой колдунье.

– Баушка, – замурлыкал кот, – приставь мне зубы, да острые, железные, костяные-то я давно обломал.

– Ладно, – говорит колдунья, – за это отдашь мне то, что поймашь в первый раз.

Поклялся кот, взял железные зубы, побежал домой. Не терпит ему ночью, ходит по комнате, мышей вынюхивает.

Вдруг мелькнуло что-то, бросился кот, да, видно, промахнулся.

Пошел – опять метнулось.

«Погоди же!» – думает кот Васька, остановился, глаза скосил и поворачивается, да вдруг как прыгнет, завертелся волчком и ухватил железными зубами свой хвост.

Откуда ни возьмись явилась старая колдунья.

– Давай, – говорит, хвост по уговору.

Заурлыкал кот, замыкал, слезами облился. Делать нечего. Отдал хвост. И стал кот – куцый. Лежит целые дни на печурке и думает: «Пропади они, железные зубы, пропадом!»

Мудрец

По зеленой траве-мураве ходят куры, на колесе белый петух стоит и думает: пойдет дождь или не пойдет?

Склонив голову, одним глазом на тучу посмотрит и опять думает.

Чешется о забор свинья.

– Черт знает, – ворчит свинья, – сегодня арбузные корки опять отдали корове.

– Мы всегда довольны! – хором сказали куры.

– Дуры! – хрюкнула свинья. – Сегодня я слышала, как божилась хозяйка накормить гостей курятиной.

– Как, как, как, как, что такое? – затараторили куры.

– Поотвертят вам головы – вот и «как, что такое», – проворчала свинья и легла в лужу.

Сверху вниз задумчиво посмотрел петух и молвил:

– Куры, не бойтесь, от судьбы не уйдешь. А я думаю, что дождь будет. Как вы, свинья?

– А мне все равно.

– Боже мой, – заговорили куры, – вы, петух, предаетесь праздным разговорам, а между тем из нас могут сварить суп.

Петуха это насмешило, он хлопнул крыльями и кукарекнул.

– Меня, петуха, в суп – никогда!

Куры волновались. В это время на порог избы вышла с огромным ножом хозяйка и сказала:

– Все равно, – он старый, его и сварим.

И пошла к петуху. Петух взглянул на нее, но гордо продолжал стоять на колесе.

Но хозяйка подходила, протянула руку... Тогда почувствовал он зуд в ногах и побежал очень шибко: чем дальше, тем шибче.

Куры разлетелись, а свинья притворилась спящей.

«Пойдет дождь или не пойдет?» – думал петух, когда его, пойманного, несли на порог, чтобы рубить голову.

И, как жил он, так и умер, – мудрецом.

Гусак

Идут с речки по мерзлой траве белые гуси, впереди злой гусак шею вытягивает, шипит:

– Попадись мне кто, – зациплю.

Вдруг низко пролетела лохматая галка и крикнула:

– Что, поплавали! Вода-то замерзла.

– Шушура! – шипит гусак.

За гусаком переваливаются гусенята, а позади – старая гусыня. Гусыне хочется снести яйцо, и она уныло думает: «Куда мне, на зиму глядя, яйцо нести?»

А гусенята вправо шейки нагнут и пощиплют щавель и влево шейки нагнут и пощиплют.

Лохматая галка боком по траве назад летит, кричит:

– Уходите, гуси, скорей, у погребницы ножи точат, свиней колют и до вас, гусей, доберутся.

Гусак на лету, с шипом, выхватил галке перо из хвоста, а гусыня расколыхалась:

– Вертихвостка, орешь – детей моих пугаешь.

– Щавель, щавель, – шепчут гусенята, – померз, померз.

Миновали гуси плотину, идут мимо сада, и вдруг по дороге им навстречу бежит голая свинья, ушами трясет, а за ней бежит работник, засучивает рукава.

Наловчился работник, ухватил свинью за задние ноги и поволок по мерзлым кочкам. А гусак работника за икры с вывертом, щипом щипал, хватом хватал.

Гусенята отбежали, смотрят, нагнув головы. Гусыня, охая, засемила к мерзлому болоту.

– Го, го, – закричал гусак, – все за мной!

И помчались гуси полуволетом на двор. На птичьем дворе стряпуха точила ножи, гусак к корыту подбежал, отогнал кур да уток, сам наелся, детей накормил и, зайдя сзади, ущипнул стряпуху.

– Ах, ты! – ахнула стряпуха, а гусак отбежал и закричал:

– Гуси, утки, куры, все за мной!

Взбежал гусак на пригорок, белым крылом махнул и крикнул:

– Птицы, все, сколько ни есть, летим за море! Летим!

– Под облака! – закричали гусенята.

– Высоко, высоко! – кокали куры.

Подул ветерок. Гусак посмотрел на тучку, разбежался и полетел.

За ним прыгнули гусенята и тут же попадали – уж очень зобы понабили.

Индюк замотал сизым носом, куры со страху разбежались, утки, приседая, крякали, а гусыня расстроилась, расплакалась – вся вспухла.

– Как же я, как же я с яйцом полечу!
Подбежала стряпуха, погнала птиц на двор. А гусак долетел до облака.
Мимо треугольником дикие гуси плыли. Взяли дикие гуси гусака с собой за море. И гусак кричал:
– Гу-уси, куры, утки, не поминайте ли-ихом...

Грибы

Братца звали Иван, а сестрицу – Косичка. Мамка была у них сердитая: посадит на лавку и велит молчать. Сидеть скучно, мухи кусаются или Косичка щипнет – и пошла возня, а мамка рубашонку задернет да – шлеп...

В лес бы уйти, там хоть на голове ходи – никто слова не скажет...

Подумали об этом Иван да Косичка да в темный лес и удрали.

Бегают, на деревья лазают, кувыркаются в траве, – никогда визга такого в лесу не было слышно.

К полудню ребятишки уgomонились, устали, захотели есть.

– Поесть бы, – захныкала Косичка.

Иван начал живот чесать – догадывается.

– Мы гриб найдем и съедим, – сказал Иван. – Пойдем, не хнычь.

Нашли они под дубом боровика и только сорвать его нацелились, Косичка зашептала:

– А может, грибу больно, если его есть?

Иван стал думать. И спрашивает:

– Боровик, а боровик, тебе больно, если тебя есть?

Отвечает боровик хрипучим голосом:

– Больно.

Пошли Иван да Косичка под березу, где рос подберезовик, и спрашивают у него:

– А тебе, подберезовик, если тебя есть, больно?

– Ужасно больно, – отвечает подберезовик.

Спросили Иван да Косичка под осиной подосинника, под сосной – белого, на лугу – рыжика, груздя сухого да груздя мокрого, синявку-малаявку, опенку тощую, масленника, лисичку и сыроежку.

– Больно, больно, – пищат грибы.

А груздь мокрый даже губами зашлепал:

– Што вы ко мне приштали, ну ваш к лешему...

– Ну, – говорит Иван, – у меня живот подвело.

А Косичка дала реву. Вдруг из-под прелых листьев вылезает красный гриб, словно мукой сладкой обсыпан – плотный, красивый.

Ахнули Иван да Косичка:

– Миленький гриб, можно тебя съесть?

– Можно, детки, можно, с удовольствием, – приятным голосом отвечает им красный гриб, так сам в рот и лезет.

Присели над ним Иван да Косичка и только разинули рты, – вдруг откуда ни возьмись налетают грибы: боровик и подберезовик, подосинник и белый, опенка тощая и синявка-малаявка, мокрый груздь да груздь сухой, масленник, лисички и сыроежки, и давай красного гриба колотить-колошматить:

– Ах ты, яд, Мухомор, чтобы тебе лопнуть, ребятишек травить удумал...

С Мухомора только мука летит.

– Посмеяться я хотел, – вопит Мухомор...

– Мы тебе посмеемся! – кричат грибы и так навалились, что осталось от Мухомора мокрое место – лопнул.

И где мокро осталось, там даже трава завяла с мухоморьего яда...

– Ну, теперь, ребяташки, раскройте рты по-настоящему, – сказали грибы.

И все грибы до единого к Ивану да Косичке, один за другим, скок в рот – и проглотились.

Наелись до отвала Иван да Косичка и тут же заснули.

А к вечеру прибежал заяц и повел ребяташек домой. Увидела мамка Ивана да Косичку, обрадовалась, всего по одному шлепку отпустила, да и то любя, а зайцу дала капустный лист:

– Ешь, барабанщик!

Братца звали Иван, а сестрицу – Косичка. Мамка была у них сердитая: посадит на лавку и велит молчать. Сидеть скучно, мухи кусаются или Косичка щипнет – и пошла возня, а мамка рубашонку задернет да – шлеп...

В лес бы уйти, там хоть на голове ходи – никто слова не скажет...

Подумали об этом Иван да Косичка да в темный лес и удрали.

Бегают, на деревья лазают, кувыркаются в траве, – никогда визга такого в лесу не было слышно.

К полудню ребяташки уgomонились, устали, захотели есть.

– Поесть бы, – захныкала Косичка.

Иван начал живот чесать – догадывается.

– Мы гриб найдем и съедим, – сказал Иван. – Пойдем, не хнычь.

Нашли они под дубом боровика и только сорвать его нацелились, Косичка зашептала:

– А может, грибу больно, если его есть?

Иван стал думать. И спрашивает:

– Боровик, а боровик, тебе больно, если тебя есть?

Отвечает боровик хрипучим голосом:

– Больно.

Пошли Иван да Косичка под березу, где рос подберезовик, и спрашивают у него:

– А тебе, подберезовик, если тебя есть, больно?

– Ужасно больно, – отвечает подберезовик.

Спросили Иван да Косичка под осиной подосинника, под сосной – белого, на лугу – рыжика, груздя сухого да груздя мокрого, синявку-малаявку, опенку тощую, масленника, лисичку и сыроежку.

– Больно, больно, – пищат грибы.

А груздь мокрый даже губами зашлепал:

– Што вы ко мне приштали, ну ваш к лешему...

– Ну, – говорит Иван, – у меня живот подвело.

А Косичка дала реву. Вдруг из-под прелых листьев вылезает красный гриб, словно мукой сладкой обсыпан – плотный, красивый.

Ахнули Иван да Косичка:

– Миленький гриб, можно тебя съесть?

– Можно, детки, можно, с удовольствием, – приятным голосом отвечает им красный гриб, так сам в рот и лезет.

Присели над ним Иван да Косичка и только разинули рты, – вдруг откуда ни возьмись налетают грибы: боровик и подберезовик, подосинник и белый, опенка тощая и синявка-малаявка, мокрый груздь да груздь сухой, масленник, лисички и сыроежки, и давай красного гриба колотить-колошматить:

– Ах ты, яд, Мухомор, чтобы тебе лопнуть, ребятишек травить удумал...
С Мухомора только мука летит.
– Посмеяться я хотел, – вопит Мухомор...
– Мы тебе посмеемся! – кричат грибы и так навалились, что осталось от Мухомора мокрое место – лопнул.
И где мокро осталось, там даже трава завяла с мухоморьего яда...
– Ну, теперь, ребятишки, раскройте рты по-настоящему, – сказали грибы.
И все грибы до единого к Ивану да Косичке, один за другим, скок в рот – и проглотились.
Наелись до отвала Иван да Косичка и тут же заснули.
А к вечеру прибежал заяц и повел ребятишек домой. Увидела мамка Ивана да Косичку, обрадовалась, всего по одному шлепку отпустила, да и то любя, а зайцу дала капустный лист:
– Ешь, барабанщик!

Рачья свадьба

Грачонок сидит на ветке у пруда. По воде плывет сухой листок, в нем – улитка.
– Куда ты, тетенька, плывешь? – кричит ей грачонок.
– На тот берег, милый, к раку на свадьбу.
– Ну, ладно, плыви.
Бежит по воде паучок на длинных ножках, станет, огребнется и дальше пролетит.
– А ты куда?
Увидел паучок у грачонка желтый рот, испугался.
– Не трогай меня, я – колдун, бегу к раку на свадьбу.
Из воды головастик высунул рот, шевелит губами.
– А ты куда, головастик?
– Дышу, чай, видишь, сейчас в лягушку хочу обратиться, поскачу к раку на свадьбу.
Трещит, летит над водой зеленая стрекоза.
– А ты куда, стрекоза?
– Плясать лечу, грачонок, к раку на свадьбу...
«Ах ты, штука какая, – думает грачонок, – все туда торопятся».
Жужжит пчела.
– И ты, пчела, к раку?
– К раку, – ворчит пчела, – пить мед да брагу.
Плывет красноперый окунь, и взмолился ему грачонок:
– Возьми меня к раку, красноперый, летать я еще не мастер, возьми меня на спину.
– Да ведь тебя не звали, дуралей.
– Все равно, глазком поглядеть...
– Ладно, – сказал окунь, высунул из воды крутую спину, грачонок прыгнул на него, – поплыли.
А у того берега на кочке справлял свадьбу старый рак. Рачиха и рачата шевелили усищами, глядели глазищами, щелкали клешнями, как ножницами.
Ползала по кочке улитка, со всеми шепталась – сплетничала.
Паучок забавлялся – лапкой сено косил. Радужными крылышками трещала стрекоза, радовалась, что она такая красивая, что все ее любят.
Лягушка надула живот, пела песни. Плясали три пескарика и ерш.
Рак-жених держал невесту за усище, кормил ее мухой.
– Скушай, – говорил жених.

– Не смею, – отвечала невеста, – дяденьки моего жду, окуня...

Стрекоза закричала:

– Окунь, окунь плывет, да какой он страшный с крыльями.

Обернулись гости... По зеленой воде что есть духу мчался окунь, а на нем сидело чудище черное и крылатое с желтым ртом.

Что тут началось... Жених бросил невесту, да – в воду; за ним – раки, лягушка, ерш да пескарики; паучок обмер, лег на спинку; затрещала стрекоза, насилу улетела.

Подплывает окунь – пусто на кочке, один паучок лежит и тот, как мертвый...

Скинул окунь грачонка на кочку, ругается:

– Ну, что ты, дуралей, наделал... Недаром тебя, дуралея, и звать-то не хотели...

Еще шире разинул грачонок желтый рот, да так и остался – дурак дураком на весь век.

Муравей

Ползет муравей, волокет соломинку.

А ползти муравью через грязь, топь да мохнатые кочки; где вброд, где соломинку с края на край переметнет да по ней и переберется.

Устал муравей, на ногах грязища – пудовики, усы измочил. А над болотом туман стелется, густой, непролазный – зги не видно.

Сбился муравей с дороги и стал из стороны в сторону метаться – светляка искать...

– Светлячок, светлячок, зажги фонарик.

А светлячку самому впору ложись – помирай, – ног-то нет, на брюхе ползти не спорно.

– Не поспею я за тобой, – охает светлячок, – мне бы в колокольчик залезть, ты уж без меня обойдись.

Нашел колокольчик, заполз в него светлячок, зажег фонарик, колокольчик просвечивает, светлячок очень доволен.

Рассердился муравей, стал у колокольчика стебель грызть.

А светлячок перегнулся через край, посмотрел и принялся звонить в колокольчик.

И сбежались на звон да на свет звери: жуки водяные, ужишки, комары да мышки, бабочки-полуношницы. Повели топить муравья в непролазные грязи.

Муравей плачет, упрашивает:

– Не торопите меня, я вам муравьиного вина дам.

– Ладно.

Достали звери сухой лист, нацедил муравей туда вина; пьют звери, похваляют.

Охмелели, вприсядку пустились. А муравей – бежать.

Подняли звери пискотню, шум да звон и разбудили старую летучую мышь.

Спала она под балконной крышей, кверху ногами. Вытянула ухо, сорвалась, нырнула из темени к светлому колокольчику, прикрыла зверей крыльями да всех и съела.

Вот что случилось темною ночью, после дождя, в топучих болотах, посреди клумбы, около балкона.

Петушки

На избушке бабы-яги, на деревянной ставне, вырезаны девять петушков. Красные головки, крылышки золотые.

Настанет ночь, проснутся в лесу древяницы и кикиморы, примутся ухать да возиться, и захочется петушкам тоже ноги поразмять.

Соскочат со ставни в сырую траву, нагнут шейки и забегают. Щиплют траву, дикие ягоды. Леший попадетсЯ, и лешего за пятку ущипнут.

Шорох, беготня по лесу. А на заре вихрем примчится баба-яга на ступе с трещиной и крикнет петушкам:

– На место, бездельники!

Не смеют послушаться петушки и, хоть не хочется, – прыгают в ставню и делаются деревянными, как были.

Но раз на заре не явилась баба-яга – ступа дорогой в болоте завязла.

Радехоньки петушки; побежали на чистую кулижку, взлетели на сосну.

Взлетели и ахнули.

Дивное диво! Алой полосой над лесом горит небо, разгорается; бегаёт ветер по листикам; садится роса.

А красная полоса разливается, яснеет. И вот выкатило огненное солнце.

В лесу светло, птицы поют, и шумят, шумят листья на деревьях.

У петушков дух захватило. Хлопнули они золотыми крылышками и запели – кукареку! С радости.

А потом полетели за дремучий лес на чистое поле, подальше от бабы-яги.

И с тех пор на заре просыпаются петушки и кукуречут.

– Кукуреку, пропала баба-яга, солнце идет!

Мерин

Жил у старика на дворе сивый мерин, хороший, толстый, губа нижняя лопатой, а хвост лучше и не надо, как труба, во всей деревне такого хвоста не было.

Не наглядится старик на сивого, все похваливает. Раз ночью пронюхал мерин, что овес на гумне молотили, пошел туда, и напали на мерина десять волков, поймали, хвост ему отъели, – мерин брыкался, брыкался, отбрыкался, ускакал домой без хвоста.

Увидел старик поутру мерина куцего и загоревал – без хвоста все равно что без головы – глядеть противно. Что делать?

Подумал старик да мочальный хвост мерину и пришил.

А мерин – вороват, опять ночью на гумно за овсом полез.

Десять волков тут как тут; опять поймали мерина, ухватили за мочальный хвост, оторвали, жрут и давятся – не лезет мочала в горло волчье.

А мерин отбрыкался, к старику ускакал и кричит:

– Беги на гумно скорей, волки мочалкой давятся.

Ухватил старик кол, побежал. Глядит – на току десять серых волков сидят и кашляют.

Старик – колом, мерин – копытом и приударили на волков.

Взвыли серые, прощенья стали просить.

– Хорошо, – говорит старик, – прощу, пришейте только мерину хвост.

Взвыли еще раз волки и пришили.

На другой день вышел старик из избы, дай, думает, на сивого посмотрю; глянул, а хвост у мерина крючком – волчий.

Ахнул старик, да поздно: на заборе ребятишки сидят, покатываются, гогочут.

– Дедка-то – лошадям волчьи хвосты выращивает.

И прозвали с тех пор старика – хвостырь.

Верблюд

Вошёл верблюд на скотный двор и охает:

— Ну, уж и работничка нового наняли, только и норовит палкой по горбу ожечь — должно быть, цыган.

— Так тебе, долговязому, и надо, — ответил карий мерин, — глядеть на тебя тошно.

— Ничего не тошно, чай у меня тоже четыре ноги.

— Вон у собаки четыре ноги, а разве она скотина? — сказала корова уныло. — Лаает да кусается.

— А ты не лезь к собаке с рожищами, — ответил мерин, а потом махнул хвостом и крикнул верблюду:

— Ну, ты долговязый, убирайся от колоды!

А в колоде завалено было вкусное месиво. Посмотрел верблюд на мерина грустными глазами, отошёл к забору и принялся пустую жвачку есть. Корова опять сказала:

— Плюётся очень верблюд-то, хоть бы издох...

— Издох! — ахнули овцы все сразу.

А верблюд стоял и думал, как устроить, чтобы уважать его на скотном дворе стали. В это время пролетал в гнездо воробей и пискнул мимолётом:

— Какой ты, верблюд, страшный, право!

— Ага! — догадался верблюд и заревел, словно доску где сломали.

— Что это ты, — сказала корова, — спятил?

Верблюд шею вытянул, потрепал губами, замотал тощими шишками:

— А посмотрите-ка, какой я страшный... — и подпрыгнул.

Уставились на него мерин, корова и овцы... Потом как шарахнутся, корова замычала, мерин, оттопырив хвост, ускакал в дальний угол, овцы в кучу сбились.

Верблюд губами трепал, кричал:

— Ну-ка, погляди!

Тут все, даже жук навозный, с перепугу со двора устрекнули.

Засмеялся верблюд, подошёл к месиву и сказал:

— Давно бы так. Без ума-то оно ничего не делается. А теперь поедем вволю...

Горшок

К ночи стряпуха умаялась, заснула на полу около печи и так захрапела — тараканы обмирали со страха, шлёпались, куда ни попало, с потолка да со стен.

В лампе над столом пованивал голубой огонёк. И вот в печке сама собой отодвинулась заслонка, вылез пузатый горшок со щами и снял крышку.

— Здравствуй, честной народ.

— Здравствуй, — важно ответила квашня.

— Хи, хи, — залезил глиняный противень, — здравствуйте! — и клюнул носиком. На противень покосилась скалка.

— Не люблю подлых бесед, — сказала она громко, — ох, чешутся чьи-то бока.

Противень нырнул в печурку на шестке.

— Не трогай его, — сказал горшок.

Грязный нос вытерла худая кочерга и зашмыгала:

— Опять ругаетесь, нет на вас Угомону; мотаешься, мотаешься целый день, а ночью поспать не дадут.

— Кто меня звал? — шибыршнул Угомон под печкой.

— Это не я, а кочерга, это она сегодня по спине стряпуху съездила, — сказала скалка.

Кочерга метнулась:

— И не я, а ухват, сам хозяин ухватом съездил стряпуху.

Ухват, расставив рога, дремал в углу, ухмылялся. Горшок надул щёки и сказал:
— Объявляю вам, что варить щей больше не желаю, у меня в боку трещина.
— Ах, батюшки! — разохалась кочерга.
— Не больно надо, — ответила скалка.
Противень выскочил из печурки и заюлил:
— Трещина, замазочкой бы, тестом тоже помогает.
— Помажь тестом, — сказала квашня.
Грызеная ложка соскочила с полки, зачерпнула тесто и помазала горшок.
— Всё равно, — сказал горшок, — надоело, лопну я и замазанный.
Квашня стала пучиться и пузырями щёлкать — смеялась.
— Так вот, — говорил горшок, — хочу я, честной народ, шлёпнуться на пол и расколоться.
— Поживите, дяденька, — вопил противень, — не во мне же щи варить.
— Хам! — гаркнула скалка и кинулась. Едва отскочил противень, только носок отшибла ему скалка.
— Батюшки, драка! — заметалась кочерга.
Из печурки выкатилась солоница и запикала:
— Не нужно ли кого посолить?
— Успеешь, успеешь насолить, — грустно ответил горшок: он был стар и мудр.
Стряпуха стала причитать во сне:
— Родненькие мои горшочки!
Горшок заторопился, снял крышку.
— Прощай, честной народ, сейчас разобьюсь.
И совсем уже с шестка сигануть хотел, как вдруг, спросонок, ухватил его рогами дурень ухват и махнул в печь.
Противень прыгнул за горшком, заслонка закрылась сама собой, а скалка скатилась с шестка и ударила по голове стряпуху.
— Чур меня, чур... — залопотала стряпуха. Кинулась к печке — всё на месте, как было.
В окошке брезжил, словно молоко снятое, утренник.
— Затоплять пора, — сказала стряпуха и зевнула, вся даже выворотилась.
А когда открыла заслонку — в печи лежал горшок, расколотый на две половинки, щи пролились, и шёл по избе дух крепкий и кислый.
Стряпуха только руками всплеснула. И попало же ей за завтраком!

Куриный бог

Мужик пахал и сошником выворотил круглый камень, посреди камня дыра.
— Эге, — сказал мужик, — да это куриный бог.
Принес его домой и говорит хозяйке:
— Я куриного бога нашел, повесь его в курятнике, куры целее будут.
Баба послушалась и повесила за мочалку камень в курятнике, около насеста.
Пришли куры ночевать, камень увидели, поклонились все сразу и закудахтали:
— Батюшка Перун, охрани нас молотом твоим, камнем грозовым от ночи, от немочи, от росы, от лисиной слезы.
Покудахтали, белой перепонкой глаза закрыли и заснули.
Ночью в курятник вошла куриная слепота, хочет измором кур взять.
Камень раскачался и стукнул куриную слепоту, — на месте осталась.

За куриной слепотой следом вползла лиса, сама, от притворства, слезы точит, приловчилась петуха за шейку схватить, – ударил камень лису по носу, покатила лиса кверху лапками.

К утру налетела черная гроза, трещит гром, полыхают молнии – вот-вот ударят в курятник.

А камень на мочалке как хватит по насесту, попадали куры, разбежались спросонок кто куда.

Молния пала в курятник, да никого не ушибла – никого там и не было.

Утром мужик да баба заглянули в курятник и подивились:

– Вот так куриный бог – куры-то целехоньки.

Картина

Захотела свинья ландшафт писать. Подошла к забору, в грязи обвалялась, потерялась потом грязным боком о забор – картина и готова.

Свинья отошла, прищурилась и хрюкнула. Тут скворец подскочил, попрыгал, попикал и говорит:

– Плохо, скучно!

– Как? – сказала свинья и насупилась – прогнала скворца.

Пришли индюшки, шейками покивали, сказали:

– Так ми – ло, так мило!

А индюк шаркнул крыльями, надулся, даже покраснел и гаркнул:

– Какое великое произведение!..

Прибежал тощий пес, обнюхал картину, сказал:

– Недурно, с чувством, продолжайте, – и поднял заднюю ногу.

Но свинья даже и глядеть на него не захотела. Лежала свинья на боку, слушала похвалы и похрюкивала.

В это время пришел маляр, пхнул ногой свинью и стал забор красной краской мазать.

Завизжала свинья, на скотный двор побежала:

– Пропала моя картина, замазал ее маляр краской... Я не переживу горя!..

– Варвары, варвары... – закурлыкал голубь.

Все на скотном дворе охали, ахали, утешали свинью, а старый бык сказал:

– Врет она... переживет.

Маша и мышки

– Спи, Маша, – говорит нянюшка, – глаза во сне не открывай, а то на глаза кот прыгнет.

– Какой кот?

– Черный, с когтями.

Маша сейчас же глаза и зажмурила. А нянька залезла на сундук, побряхтела, повозилась и носом сонные песни завела. Маша думала, что нянька из носа в лампадку масла наливает.

Подумала и заснула. Тогда за окном высыпали частые, частые звезды, вылез из-за крыши месяц и сел на трубу...

– Здравствуйте, звезды, – сказала Маша.

Звезды закружились, закружились, закружились. Смотрит Маша – хвосты у них и лапки. – Не звезды это, а белые мыши бегают кругом месяца.

Вдруг под месяцем задымилась труба, ухо вылезло, потом вся голова – черная, усатая.

Мыши метнулись и спрятались все сразу. Голова уползла, и в окно мягко прыгнул черный кот; волооча хвост, заходил большими шагами, все ближе, ближе к кровати, из шерсти сыпались искры.

«Глаза бы только не открыть», – думает Маша.

А кот прыгнул ей на грудь, сел, лапами уперся, шею вытянул, глядит.

У Маши глаза сами разлепляются.

– Нянюшка, – шепчет она, – нянюшка.

– Я няньку съел, – говорит кот, – я и сундук съел.

Вот-вот откроет Маша глаза, кот и уши прижал... Да как чихнет.

Крикнула Маша, и все звезды-мыши появились откуда ни возьмись, окружили кота; хочет кот прыгнуть на Машины глаза – мышью во рту, жрет кот мышью, давится, и сам месяц с трубы сполз, поплыл к кровати, на месяце нянькин платок и нос толстый...

– Нянюшка, – плачет Маша, – тебя кот съел... – И села.

Нет ни кота, ни мышью, а месяц далеко за тучками плывет.

На сундуке толстая нянька выводит носом сонные песни.

«Кот няньку выплюнул и сундук выплюнул», – подумала Маша и сказала:

– Спасибо тебе, месяц, и вам, ясные звезды.

www.megabook.do.am